

● Сцена из спектакля. Андромаха — актриса Доминик Жэир, Гектор — актер Жозе-Мария Флота.

Фото В. Иванова.

ВСТРЕЧА С ЖИРОДУ

ТЕАТР де ля Вилль — Муниципальный народный театр Парижа — показал нам пьесу Жана Жироду «Троянской войны не будет».

Жироду, один из самых блестящих представителей европейской интеллектуальной драмы, создал большинство произведений для театра в период между двумя мировыми войнами. В них оживает

драматурга-гуманиста о своем времени. И «царство света и радости, прекрасных пейзажей и воображаемых лиц» (Жироду) затягивается грозowymi тучами, игра уступает место ожесточенной битве, из глубины прошлого до зрителей доносится «исповедь, проливающая свет на их собственные судьбы». В пьесе «Троянской войны не будет»

Нашим гостям удастся передать утонченный и даже изысканный стиль произведения прежде всего в просторной, празднично сверкающей, подчеркнута элегантно декорации. Сцена устлана беломраморными плитами, заключена в полукруг белоснежного горизонта, ее пространство ритмически организовано изогнутыми парапетами. Художник

темпе обмениваются первыми репликами, а затем в права вступает чарующая магия текста. Игра актеров как бы под сурдинку аккомпанирует звучащему слову, и самые, казалось бы, от сердца идущие интонации Андромахи (Доминик Жэир), самые негодующие нотки Гектора (Жозе-Мария Флота), самые язвительные сарказмы Гекубы (Жанделин)

своим, а к зрителям.

В том же комментарии постановщик спектакля так определил свое понимание жанра пьесы — «коми-трагедия». Это перенесение акцента с трагических линий драмы на комические и осуществляется театром. В развитии этих мотивов он достигает успеха, порой поднимаясь до звонкой и задорной театральности, отмеченной нотами публицистики.

Меркюр и его актеры хорошо передают внутреннее родство, круговую поруку, связавшие всех этих «людей мысли», заседающих в троянском сенате и мечтающих о войне. С тугодумов и глупцов Геометра (Бернар Верон), Абнеоса (Лионель Бэилак) мгновенно спадает сонливость, юркий поэт Демокос утраивает свое рвение, как только они слышат слова: «красота», «война» (ведь говорит же Гектор: поэзия и война — «две родные сестры»). Вслед за Жироду театр указывает разные ступени, на которых находятся эти доброхотные сторонники международной бойни.

На низшей стоят ополоумевшие от красоты Елены старцы, (Жан-Мари Бон и Эжен Бертье), которые, сами не зная, что творят, сливают свои дребезжащие фальцеты в славословиях красавице. Чуть повыше — моряки (Рене Лефлер, Морис Куссоно, Серж Пейра), с грубоватым юмором смаку-

ющие детали любовной сцены между Парисом и Еленой.

На вершине же этой малопривлекательной «лестницы» громоздится «певец войны», мастер «психологического опьянения», неподражаемый поэт Демокос. Разметав космы седых волос и поминутно воздевая к небу руки, Демокос Мориса Шиви повсюду поспевает, все схватывает на лету. Этот не притворяется, этот всецело верит и в полезность войны, и в пригодность любых средств для ее развязывания. Дважды Демокос теряет облик человеческий, делается почти страшным: когда иступленно читает стихи о войне и когда, пронзенный копьем Гектора, повисает на балюстраде и, едва ворочая костенеющим языком, хрипит из последних сил: «Убейте Аякса!».

Французы любят слово «демистификация». Демистификация бесчеловечной агрессивной демагогии, разоблачение поджигателей войны составляет важное достоинство спектакля наших гостей, вносит в него живые и современные ноты.

А. ЯКУБОВСКИЙ.

причудливый и призрачный мир библейских сказаний, мифов Древней Греции; они освещены романтической поэзией, облечены в форму прихотливой словесной игры. Слово в пьесах Жироду всевластно, обладает своего рода магической силой (не случайно Андре Моруа назвал драмы Жироду «ожерельями сверкающих куплетов»), но всегда глубоко со-держательно, ярко эмоционально, весомо. Virtuозные речи героев Жироду по-разному окрашены — лирикой и патетикой, горечью и иронией, надеждой и ненавистью. Сказанное по тому или иному поводу, доверенное тому или иному персонажу, слово не только обрисовывает его, несет в себе его оценку, оно раскрывает тревожные раздумья

эта исповедь вложена в уста тех, кто полон решимости отстаивать мир, кто «идет против судьбы», и тех, кто, разглагольствуя о «чести» и «героизме», «величии нации» и «воле народа», мечтает о войне и в конце концов ее развязывает.

Художественный руководитель театра Жан Меркюр дает следующее обоснование своей постановке пьесы Жироду: «В наши дни... его призыв к бдительности приобретает интонацию обвинительного акта против агрессии во Вьетнаме». Театр де ля Вилль, который хочет ответить «социальным» и «поэтическим» раздумьям народного зрителя, справедливо увидел в пьесе возможность «выразить свое отношение к насущным проблемам современности».

Яннис Коккос одел героев в однотонные неяркие костюмы, которые образуют гармоническое единство с декорацией, подчеркнул струящиеся линии женских одеяний и плащей, как бы летящих вслед за персонажами. Декоративное решение спектакля вносит в него прочную уравновешенность; она поддержана симметричными группировками персонажей, фронтальным построением спокойных мизансцен. Художник и режиссер, по-видимому, стремятся передать в этом спектакле «царство света и радости», каким хотел бы видеть свой театр Жироду.

Действие развивается плавно, при том, что каждый эпизод открывается ударным моментом: герои стремительно выбегают на сцену, в быстром

не прорывают словесной вязи.

Внутренняя сила переживания, которые явственно дают о себе знать, определяя эмоциональное звучание слова, умеряется. Резкая смена настроений, особенно важная перед финальным, все решающим диалогом Гектора с греческим посланцем Улиссом, гармонизируется.

Меркюр не случайно утверждает в комментарии к постановке: у Жироду «все его персонажи есть не что иное, как отблески его собственной личности». Из ровного ряда этих героев выступает, как кажется, одна Кассандра. В игре Анн Доа чувствуется опаляющее дыхание и безысходность высокой трагедии; слова своей героини эта прекрасная актриса обращает не к ближним